

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

О Ч Е Р К И
П О   И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник 2

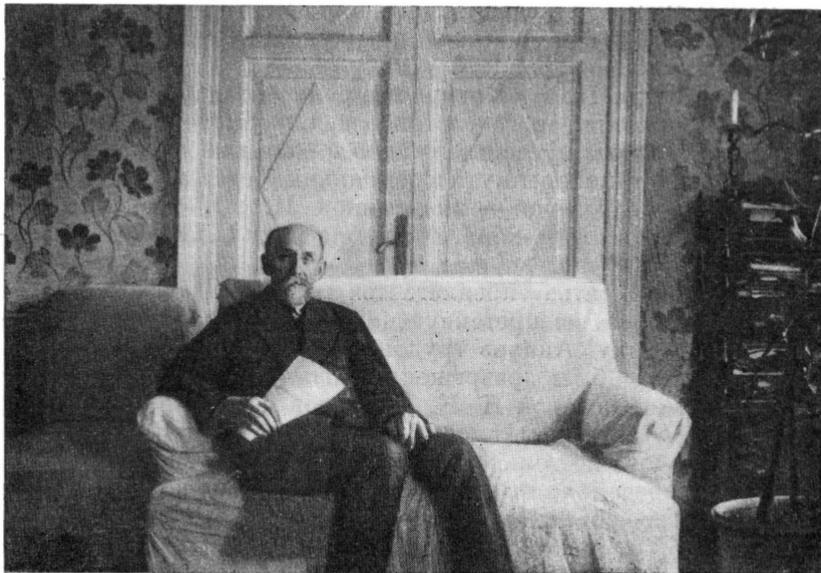

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

Р. Р. ОРБЕЛИ
АКАДЕМИК П. К. КОКОВЦОВ
И ЕГО РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДСТВО

Академик Павел Константинович Коковцов (19 июня 1861—1 января 1942) скончался в Ленинграде суровой воен-

П. К. Коковцов (снимок 1912—1913)

ной зимой. Условия времени вызывали необходимость принять безотлагательные меры для охраны научного наследия выдающегося русского ученого. Ранней весной того же года, по иници-

циативе и под непосредственным руководством ученицы П. К. Коковцова Н. В. Пигулевской (ныне член-корр. Академии наук), личный архив и обширная библиотека академика были доставлены в Институт востоковедения Академии наук СССР. Ценнейшие для науки архив и книги сохранились благодаря доблестным усилиям небольшой группы научных сотрудников Института, с которыми в течение многих лет была связана деятельность П. К. Коковцова.

Летом 1946 г. появилась возможность начать разбор и описание этого архива (работу выполнил автор данной статьи).

В последние годы жизни П. К. Коковцов сам приводил свои бумаги в порядок, завязывал в пакеты и делал на них надписи. Уцелевшая часть этих заглавий послужила руководящей нитью для определения многих единиц хранения, оказавшихся в состоянии россыпи. С этой же целью использовались список трудов П. К. Коковцова, материалы по его профессорской деятельности в университете и содержание писем к нему.

Осенью 1949 г., в разобранном и описанном виде, материалы были переданы в Архив Академии наук СССР, где и хранятся в настоящее время (фонд № 779).

После смерти П. К. Коковцова роль его научной деятельности в истории русского востоковедения, значение созданной им научной школы и ученых трудов в одной из областей семиологии получили оценку в специальных статьях виднейших советских востоковедов — академиков И. Ю. Крачковского и В. В. Струве и члена-корр. Академии наук СССР Н. В. Пигулевской¹.

В данной статье предлагается краткий обзор архива П. К. Коковцова, не претендующий ни на анализ, ни на глубокую его оценку. Анализ трудов П. К. Коковцова — задача, которая может быть разрешена лишь специалистом в той области науки, которой П. К. Коковцов посвятил всю жизнь. Вероятно, со временем плоды многолетнего служения науке П. К. Коковцова не только займут место в истории отечественного востоковедения, но и будут использованы в специальных исследованиях советских востоковедов. Автор ставит перед

¹ И. Ю. Крачковский. П. К. Коковцов в истории русского востоковедения (1861—1942). «Известия АН СССР», серия Отделения литературы и языка, 1944, т. III, вып. 6, стр. 274—279; Н. В. Пигулевская. Академик Павел Константинович Коковцов и его школа. «Вестник Ленинградского университета», 1947, № 5, стр. 106—118. (Краткое извлечение из этой статьи, написанной в 1942 г., см. «Вестник АН СССР», 1942, № 4, стр. 103—107); В. В. Струве. П. К. Коковцов как ассириолог. «Эпиграфика Востока», 1953, VIII, стр. 3—9.

собой задачу — завершить свою работу по разбору и описанию архива публикацией этого краткого очерка

* * *

Архив П. К. Коковцова состоит из 785 единиц хранения, при очень большом объеме отдельных единиц, иногда превышающих 1500 листов. Тематически он образует четыре больших раздела: 1) ученые труды и материалы к ним (152 ед. хр.); 2) письма к П. К. Коковцову (3568 писем); 3) рукописи и документы биографического содержания и связанные с научно-педагогической и общественной деятельностью (59 ед. хр.); 4) семейный архив Коковцовых (87 ед. хр.).

* * *

Семейный архив, охватывающий период с 1776 по 1926 г., содержит весьма важные материалы по биографии ученого, но некоторые его разделы представляют и самостоятельную ценность. Большая серия документов, в подлинниках и копиях, личная переписка, дневники, научные труды, фотографии и другие материалы, сохранившиеся от предков и ближайших родственников П. К. Коковцова, содержат подробные сведения о их жизни и служебной деятельности, в ряде случаев представляющие значительный интерес.

Прадед, Матвей Григорьевич Коковцов (1745—1793), офицер морской службы, автор двух сочинений, занявших видное место в русской географической литературе XVIII в.¹, оставил шесть подлинных документов, датированных 1776—1786 гг. К ним приложена записка П. К. Коковцова о географических трудах прадеда.

Материалы отца, Константина Константиновича Коковцова (1822—1891), инженера путей сообщения и строительного искусства, профессора и инспектора Института инженеров путей сообщения, охватывают период с 1833 по 1891 г. Помимо большого значения некоторых из них для биографии Павла Константиновича (письма его матери), они в большей части чрез-

¹ «Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясляющее положение островов, городов, крепостей, пристаней, подводных камней и прочего» (изд. в 1786 г.) и «Достоверные известия о Алжире. О нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и областных доходов; о положении Варварийских берегов; о произрастениях и о прочем; с верным чертежом. Сочинение Российского офицера все то на месте обозревшего» (изд. в 1787 г.). Научное значение этих трудов для истории Северной Африки и арабистики оценено И. Ю. Крачковским в «Очерках по истории русской арабистики». М.—Л., 1950, стр. 56—57.

вычайно интересны для истории технического образования в России во второй половине XIX в. и для истории Института путей сообщения в частности.

Из материалов брата, Константина Константиновича Коковцова (1855—1926), также инженера путей сообщения, для биографии академика имеют большое значение дневники, веденные К. К. Коковцовым с 1918 по 1926 г., из них в особенности — дневник поездки в Англию, совершенной совместно с Павлом Константиновичем в 1922 г.¹ Для истории техники представляют интерес рукописи девяти трудов К. К. Коковцова, написанные за период с 1883 по 1926 г., по специальным вопросам железнодорожного строительства².

В материалах двоюродного брата, Григория Георгиевича Коковцова (1882—1915), офицера-драгуна, интересны дневники, веденные им в 1914 г., во время пребывания в действующей армии (движение драгунского полка в северных губерниях Привислинского края).

* * *

Биографические материалы, оставленные П. К. Коковцовым, раскрывают его жизнь, деятельность и особенности его личности с исключительной полнотой. К ним относятся: автобиография до 1928 г.; дневники и заметки для себя, веденные за период с 1867 по 1941 г.; черновики писем Павла Константиновича (1896—1941) и письма к нему (с 70-х годов XIX в. по 1941 г.); документы, учебные тетради и записи лекций гимназического и студенческого периода (1871—1884); отчеты, дипломы и другие материалы, связанные с подготовкой к профессорской деятельности (1885—1893); документы, программы курсов и отчеты за время преподавания в Петербургском—Ленинградском университете (1894—1929); дипломы ученых обществ и материалы по участию в их деятельности, а также в деятельности издательств (1893—1937); документы по участию в международных конгрессах ориенталистов (1897—1935); документы о работе в Академии наук (1903—1941); отзывы, написанные П. К. Коковцовым о своих учениках и некоторых востоковедах; экспертиза по делу Бейлиса (1912—1913); собственноручно составленные описи личной библиотеки и личных

¹ См. П. К. Коковцов. «Доклад о научных занятиях в Англии осенью 1922 г.» — Прил. в Прот. II заседания историко-филологического отделения Академии наук, 31 января 1923 г., стр. 476—494.

² «Рельсы и скрепления паровозных железных дорог в связи с общим устройством верхнего строения пути» (1894); «Электроподвесные дороги» (1920—1921) и др.

Гидроуважаемый

Павел Константинович.

Съ величайшимъ радостю узнаю о Вашемъ
возвращении по поводу счастливца исхода
процесса, въ которомъ Вы сыграли столь великое
и суровое слово.

Верю, что Вамъ удастся

А. Шахматову

29 октября

научных и художественных коллекций; большое число фотографий и, наконец, материалы, которые можно было бы назвать «Театр и музыка в жизни П. К. Коковцова», — программы спектаклей и концертов и фотографический альбом певцов (1876—1895).

Такое суммарное перечисление богато представленной документации, относящейся к личной жизни и научно-общественной деятельности большого ученого, конечно, может послужить лишь намеком на массу сведений, которые раскрываются при ближайшем изучении архива. При этом следует отметить, что помимо узко биографической характеристики эти материалы представляют значительный интерес для истории востоковедения и востоковедного образования в России, для истории Академии наук, а также для истории отдельных событий общественной жизни России начала XX в.

Кабинетный ученый, посвятивший жизнь исследованию чрезвычайно специальной отрасли науки не имеющей связи с современностью, и крайне замкнутый человек, каким многие считали П. К. Коковцова, раскрывается при разборе его бумаг как человек в высокой степени деятельный и отдающий себя служению общественным интересам. Об этом говорят прежде всего его переписка, материалы по деятельности в Академии наук, в ученых обществах и издательствах, а также материалы, относящиеся к экспертизе по делу Бейлиса. Именно наука, именно специальные знания, в сочетании с глубокой принципиальностью, и служили П. К. Коковцову тем оружием, с которым он выступал в общественной жизни.

Особое мнение там, где вопрос решался принципиально вразрез с его точкой зрения, было высказано П. К. Коковцовым во многих случаях жизни, всегда решительно и последовательно. Это касалось главным образом вопросов о праве на высшее образование и о присвоении степеней и званий, которые П. К. Коковцов решал только в соответствии со своими научными и общественными убеждениями. Вступая в смелую и длительную борьбу, независимо от того, был ли это вопрос общего порядка или поднятый применительно к отдельной личности, П. К. Коковцов обосновывал свое особое мнение на научных доказательствах и действовал всегда до конца.

Это свойство П. К. Коковцова проявилось особенно ярко и значительно на процессе по делу Бейлиса в 1913 г., когда, выступив в качестве эксперта, он оказался победителем над темными силами реакции. И, быть может, некоторым отголоском этого выступления можно объяснить немотивированное освобождение П. К. Коковцова от обязанностей присяжного

заседателя, которые он нес в Петербургском окружном суде с 1902 по 1914 г.

П. К. Коковцов выступал в течение многих лет в качестве эксперта по древне-врейскому языку, получая обращения из различных учреждений с просьбой произвести экспертизу и сделать переводы отдельных текстов. В архиве сохранились официальные отношения из Петербургского окружного суда, Министерства иностранных дел, Петербургского университета и Академии наук за время с 1903 по 1925 г. и отпуски ответов П. К. Коковцова с черновиками сделанных им переводов.

Никогда не занимая никаких административных постов в Академии наук, П. К. Коковцов состоял членом многих ее ученых комиссий и постоянно выполнял поручения конференции и Президиума. Деятельность Академии наук, ее честь и высокое достоинство были близки и дороги ему. Он отстаивал звание члена Академии, как звание передового и честного ученого, и со всею решимостью выступал против того, кого считал недостойным его носить.

С 1897 по 1931 г. П. К. Коковцов представлял на всех международных конгрессах ориенталистов (XI—XVII), принимая в их заседаниях самое деятельное участие. Письма иностранных ученых, написанные ему после встреч на конгрессах, показывают, как умел он поднять в их глазах значенье научных достижений своей родины и вызвать уважение ее представителям.

П. К. Коковцов был действительным членом ряда русских ученых обществ, среди них — Археологического, Географического, Любителей древней письменности, Археологического института в Константинополе, Палестинского общества и других, а также «Deutsche Morgenländische Gesellschaft». Кроме того, он сотрудничал в издательствах «Всемирная литература», «Academia» и принимал участие в работе многих редакций. Судя по архивным материалам, эта деятельность занимала в жизни П. К. Коковцова большое место и чрезвычайно интересовала его. Он постоянно присутствовал на заседаниях, выступал с докладами, сообщениями, выполнял множество научных поручений, писал рецензии и широко консультировал по самым разнообразным вопросам семитологии. Помимо совместной работы и личных встреч, общение между членами обществ поддерживалось и оживленной перепиской, почему из писем коллег П. К. Коковцова можно почерпнуть многие очень ценные сведения о нем.

П. К. Коковцов служил своими знаниями всем, кто к нему обращался за помощью, советом, указанием. Он не только

отвечал на обращения, но и сам активно помогал отдельным лицам и учреждениям. Одним из проявлений такого служения общим интересам было щедрое предоставление книг из своей личной библиотеки. Можно смело сказать, что при самом бережном и любовном отношении к своим книжным сокровищам П. К. Коковцов превращал их в общественную собственность научных кругов города. Долгие годы он собирал коллекции археологических ценностей, документов, монет, медалей, эстампажей, фотографий и других предметов, но также на протяжении всей жизни он приносил их в дар научным и музейным учреждениям. Об этом говорят документы на имя П. К. Коковцова из Географического общества, Эрмитажа, Русского музея, Института истории и Института книги, документы и письма Академии наук и ряда других учреждений.

П. К. Коковцов был ученым, создавшим свою школу. Об отношении этого замечательного наставника к ученикам говорят их письма, рассказы и воспоминания. Но важные сведения дают и сохранившиеся отзывы, написанные П. К. Коковцовым об учебных занятиях и деятельности ряда востоковедов, работавших под его руководством. Из этих отзывов ясно, как глубоко знал П. К. Коковцов характер научных интересов, способности и даже частную жизнь каждого из своих учеников, как он был требователен и как желал воспитать и сохранить для науки всех, в ком видел талант и серьезное стремление к труду. Многие ученые, посвятившие свою деятельность изучению различных областей семитологии, с горячей признательностью и гордостью называют себя учениками Коковцова. Незадолго до смерти, разбирая свои бумаги и перечитывая письма, П. К. Коковцов составил список своих учеников, в их числе названы: Н. В. Пигулевская, П. В. Ернштедт, Г. В. Церетели, Н. В. Юшманов, А. Я. Борисов, Я. С. Виленчик, А. П. Рифтин, В. К. Шилейко и др.

* * *

С юношеских лет и до последних дней своей жизни П. К. Коковцов вел постоянную переписку личного, научного и общественного характера. В его архиве сохранились письма, полученные от трехсот восьмидесяти одного корреспондента за время с 70-х годов по 1941 г. включительно. Здесь мы встречаем письма русских и иностранных ученых, многочисленных учеников, родных, друзей и ряда знакомых П. К. Коковцову лиц.

Значение научной переписки П. К. Коковцова трудно переоценить. Это богатейший источник, требующий специального

изучения и, как и рукописи некоторых трудов, могущий служить для публикаций. Характер и содержание переписки раскрывают не только письма к П. К. Коковцову, но и несколько черновиков писем, написанных им самим. Список ученых—корреспондентов П. К. Коковцова очень велик и в кратком обзоре возможно остановиться лишь на некоторых из них. По существу переписка должна была бы послужить темой для специального обзора.

П. К. Коковцову писали: русские ученые старшего поколения и коллеги — В. В. Стасов (1886—1905 гг., 12 писем), В. Р. Розен (1887—1907 гг., 65 писем), С. Ф. Ольденбург (1895—1929 гг. — 6 писем), Б. А. Тураев (1899—1919 гг., 16 писем), С. С. Абамесек-Лазарев (1900—1903 гг., 7 писем), Ф. И. Успенский (1900—1925 гг., 19 писем), Д. Г. Гинцбург (1900—1904 гг., 12 писем), Ф. Е. Корш (1901—1910 гг., 7 писем), А. Е. Крымский (1901—1932 гг., 9 писем), Л. З. Мсерианц (1901—1927 гг., 63 письма), В. Н. Хитрово (1901—1903 гг., 8 писем), А. И. Соболевский (1902—1927 гг., 7 писем), М. В. Никольский (1903—1917 гг., 80 писем), А. А. Шахматов (1904—1917 гг., 28 писем), Д. К. Петров (1907—1924 гг., 8 писем), Н. Н. Глубоковский (1908—1918 гг., 10 писем), И. Ю. Крачковский (1914—1941 гг., 9 писем), И. А. Бычков (1915—1930 гг., 9 писем), Ф. И. Шербатской (1915—1940 гг., 14 писем), В. М. Истрин (1919—1928 гг., 3 письма), С. А. Жебелев (1923—1931 гг., 8 писем), В. Л. Бузескул (1925—1930 гг., 7 писем), В. И. Вернадский (1926—1941 гг., 5 писем), Н. К. Никольский (1927—1934 гг., 16 писем); ученики П. К. Коковцова: В. К. Шилейко (1910—1912 гг., 3 письма), Н. В. Юшманов (1916—1939 гг., 25 писем), Я. С. Виленич (1920—1922 гг., 5 писем), А. Я. Борисов (1926—1941 гг., 15 писем); иностранные ученые: А. Нейбауэр (1887—1899 гг., 12 писем), И. Гольдциэр (1893—1907 гг., 11 писем), Т. Нельдеке (1893—1912 гг., 12 писем), С. Познанский (1893—1918 гг., 48 писем), Ф. Делич (1899—1909 гг., 3 письма), Ю. Эйтинг (1900—1912 гг., 12 писем), М. Лидзбарский (1900—1912 гг., 13 писем), Э. Захау (1904—1909 гг., 3 письма).

Переписка П. К. Коковцова охватывает более чем полувековой период истории русского востоковедения, период расцвета русской школы и признания ее значения в мировой науке. Широта проблем, обсуждаемых в письмах, выходила далеко за пределы узкой области семитологии. Проблемы истории и археологии, языкознания и филологии, философии и экзегетики, относящиеся к изучению культур Древнего Востока и античного мира, Византии и Переднего Востока, включая Закавказье, славян и народов, населявших Испа-

нию, служили темами для сообщений, обмена мнениями и очень часто вопросов, обращенных к П. К. Коковцову.

П. К. Коковцов всегда глубоко входил в интересы писавших ему. В своих письмах он стремился давать исчерпывающие ответы на вопросы, щедро делясь знаниями и специально готовясь к ответам. Его письма содержали рефераты статей и книг, рецензии изданных работ и советы, иногда совершенно менявшие направление исследований, предпринятых его корреспондентами. Поэтому многие страницы писем П. К. Коковцова содержат исследования, быть может и не нашедшие отражения в изданных им работах.

* * *

Архив П. К. Коковцова отражает все стадии и формы исследования, начиная с отдаленного подбора материалов и вплоть до законченного изложения.

Как ученый П. К. Коковцов был чрезвычайно требователен к себе и за десятки лет (1883—1940) интенсивной научной деятельности напечатал сравнительно немного, большинство его исследований осталось в рукописях. При этом следует отметить, что для работы Павла Константиновича был характерен критический подход к своим уже изданным трудам: в архиве хранятся экземпляры его статей и книг, буквально испещренные позднейшими дополнениями, примечаниями и исправлениями.

Рукописи трудов П. К. Коковцова и маргиналии, имеющие первостепенное научное значение, во многих случаях могут явиться источниками для разрешения специальных вопросов семитологии и послужить для посмертных публикаций. Так, из числа подготовленных к печати можно назвать Сирийскую хрестоматию, курс истории пубиблейской еврейской литературы, материалы, связанные с изучением Пальмирского тарифного камня, и некоторые другие. Особо следует отметить, что исследования эпиграфических текстов богато иллюстрированы фотокопиями.

Широкие научные интересы П. К. Коковцова распространялись на многие гуманитарные науки, в первую очередь лингвистику, историю и теорию литературы, эпиграфику и палеографию и охватывали обширный круг языков и культур семитских народов. Но разрешение проблем семитологии в трудах П. К. Коковцова также не было ограничено и шло путем привлечения сравнительных филологических данных, извлеченных из памятников письменности несемитических народов.

Тематически рукописи трудов П. К. Коковцова и материалы к ним образуют следующие основные разделы: общие вопросы

семитологии; гебраистика; сирология; ассириология; эфиопистика; арабистика; отзывы о научных трудах, биографии и некрологи; библиография к трудам; маргиналии к изданным трудам других авторов; виды, планы, карты.

Особо следует отметить диссертации на соискание университетских наград в 1883/84 учебном году и степени магистра еврейской словесности в 1893 г., которые характеризуют ранний период научной деятельности П. К. Коковцова, период формирования исследователя и первый шаг на педагогическом поприще, так как к ним можно присоединить и текст вступительной лекции на Восточном факультете Петербургского Университета (1894). Темы этих ранних работ — «Халдейский перевод притчей Соломоновых и его отношение к сирийскому переводу той же книги, находящемуся в Пешитте», «Книга сравнения еврейского языка с арабским» Абу Ибрагима (Исаака) ибн Баруна, испанского еврея конца XI и начала XII в. и «Об общих основах науки еврейского языкознания» — уже определяют ряд вопросов, разработке которых П. К. Коковцов посвятил многие годы своей дальнейшей научной деятельности. В 1905 г. он начал работать над докторской диссертацией, которую издал в 1916 г. под заглавием: «Новые материалы для характеристики Иехуды Хайюджа, Самуила Нагида и некоторых других представителей еврейской филологической науки в X, XI и XII веках». В автобиографии по поводу этой работы П. К. Коковцов пишет: «Докторская диссертация, не представленная в факультет Восточных языков в качестве таковой, вследствие преждевременной кончины профессора Д. А. Хвольсона» (1911). Защита докторской диссертации П. К. Коковцовым так и не состоялась, но, имея с 1903 г. звание адъюнкта Петербургской Академии наук, в 1912 г. он был избран ее действительным членом.

Общими вопросами семитологии — сравнительным изучением языков и памятников письменности семитических народов — П. К. Коковцов занимался на протяжении всей жизни — с 80-х годов XIX в. до 1940 г. включительно.

Из материалов по языкознанию (словарных карточек, сравнений, выписок из текстов и пр.) необходимо отметить следующие, систематизированные по вопросам, материалы: 1) для библейского (древнееврейского) словаря, для изучения ассиро-вавилонской клинописной графики, для словаря арамейских наречий и новоеврейского языка; 2) «Материалы для изучения строения семитических корней», — исследование важнейших глагольных корней ассиро-вавилонского, древнееврейского, сирийского, древнеарабского и эфиопского языка,

3) к курсу «Сравнительная грамматика семитических языков» — фонетика, морфология, лексика и общая характеристика языков еврейского, арабского, сирийского, эфиопского, амхарского, а из несемитических — грузинского и группы берберских.

Из филологических исследований следует отметить статью «Семитическая филология» и обширное исследование под заглавием «Введение в семитическую филологию». «Введение» содержит исследование родственных связей и взаимовлияний семитических языков с несемитическими, а также историю изучения семитических языков. Специальные главы «Введения» посвящены обзорам ассиро-вавилонской, древнеизраильской, сирийской и арабской литератур.

Но наибольшим числом представлены исследования в области эпиграфики: рукописи трудов П. К. Коковцова и к ним многочисленные фоторепродукции семитических надписей.

Центральное место в этой группе материалов занимает исследование Пальмирского таможенного тарифного камня 137 г. н. э. с двуязычной надписью на арамейском и греческом языках.

Изучением Пальмирского тарифа П. К. Коковцов занимался на протяжении почти шестидесяти лет: с 1882 г., когда он был открыт русским археологом С. С. Абамелек-Лазаревым, и вплоть до конца 1940 г. Изданию этого памятника П. К. Коковцов придавал огромное значение; углубленное исследование длилось многие годы. Даже после издания памятника французским археологом Шарлем Клермон Ганно П. К. Коковцов продолжал свою работу. В архиве сохранилась часть его докладной записки в Президиум Академии наук СССР, которую он готовил в 1940 г. по поводу необходимости издания этого капитального труда. И можно сказать с уверенностью, что этот вполне оригинальный труд, содержащий притом много неопубликованных материалов, не только не явился бы дублированием издания Ш. Клермон Ганно, но внес бы новый вклад в изучение культурных памятников Сирии и арабских стран. Исследование П. К. Коковцова, фотографии и фототипии тарифа, эстампаж арамейского текста и разнообразные документы, раскрывающие всю историю открытия этого замечательного памятника и перевоза его из Пальмира в Россию, ждут посмертного издания.

Арамейские эпиграфические тексты исследовались П. К. Коковцовым также и по папирусу с о. Элефантины, по блюдам из Прохоровки и по ряду других памятников. Но интересы его распространялись значительно шире. В архиве сохранились описания и исследования надписей финикийских, ассиро-

вавилонских, египетских, древнееврейских, сирийских, пехлевийских (халдео-пехлеви и сасано-пехлеви) и других, иллюстрированные большим количеством фотографий¹.

Помимо нескольких статей, изданных П. К. Коковцовым, эта группа исследований нашла свое выражение в курсе семитической эпиграфики, читанном им в 1921—1924 гг.

Гebraистикой П. К. Коковцов занимался на протяжении всей своей научной деятельности. Рукописи его гebraистических трудов относятся к периоду с 1894 по 1936 г.², но весьма возможно, что некоторые из недатированных относятся и к позднейшим годам.

Исследования в области гebraистики посвящены пяти основным темам: еврейский язык, Библия и Новый завет, побиблейская и средневековая еврейская литература и философия, еврейско-хазарская переписка, древние и средневековые еврейские рукописи. Но, судя по подобранным материалам, можно сделать вывод, что П. К. Коковцов занимался также религиозно-философскими представлениями древних евреев, историей евреев в эпоху эллинизма и даже историей древнееврейского календаря.

Труды П. К. Коковцова в области еврейского языкознания положили начало его научной деятельности, и он продолжал их и в последующие годы, изучая язык всесторонне — и лексикологически, и грамматически. В архиве сохранились следующие рукописи: курс грамматики, читанный в 1894 г.; начало задуманного учебника; незаконченная «Грамматика еврейского языка»; «Добавления и заметки к словарю древнееврейского языка» и заметки по арамейским наречиям, в том числе талмудическому языку и другим специальным вопросам лексики.

Исследованием Ветхого и Нового завета П. К. Коковцов занимался с 1897 по 1929 г. Работа его носила чисто филологический характер и была сосредоточена главным образом на исторических и поэтических текстах Библии (книгах: Иова, пророчеств Исайи, Иезекииля, Даниила, Екклезиаста, Иисуса сына Сирахова, Песни песней, плача Иеремея, Псалмов). Из них наиболее детально была исследована книга Иова, переводом и анализом которой П. К. Коковцов занимался с 1914 по 1929 г. Изучение же евангельских текстов шло в двух направлениях: язык Нового завета (евангельские гebraизмы) и литературная связь Нового завета с Библией (ветхозаветные цитаты в Новом завете).

¹ В 1940 г. П. К. Коковцов передал 203 негатива Гос. Эрмитажу.

² О ранних работах см. стр. 350.

Историей побиблейской и средневековой еврейской литературы и философии П. К. Коковцов занимался с начала 90-х годов по 1936 г., причем разработке отдельных тем посвятил свыше двух десятилетий. Эти исследования, тексты и переводы памятников готовились для издания в серии «К истории средневековой еврейской филологии и еврейско-арабской литературы», из которой увидели свет только два первых выпуска, вышедших в 1893 и 1916 гг.¹ В архиве сохранились план серии и тексты, подготовленные для последующих выпусков. Так, некоторые из них должны были содержать: «Kitab al kafi» Абуль Фараджа и «Анонимный компендий еврейской грамматики испанского еврея конца XI в. (псевдо ибн-Яшуша)»; «Грамматическое введение в Kitab al Vajan или библейский комментарий Танхума бен Иосифа из Иерусалима»; «Анонимный караимский компендий грамматики XII—XIII века»; «Грамматические труды караима Абуль Фараджа Аарона ибн-ал-Фараджа» (Kitab al mustamil). Тексты снабжены филологическими комментариями и био-библиографическими сведениями об авторах. Труд этот, хотя и не доведенный до полного завершения, подготовлен настолько, что требовал бы лишь некоторой доработки для издания.

«Лекции по истории побиблейской еврейской литературы», читанные П. К. Коковцовым в 20-х годах, представляют законченное изложение курса, дополненное обширными материалами в виде цитат из сочинений еврейских писателей, с биографическими данными о них, собранными П. К. Коковцовым, фото и ротокопий рукописей и десяти отпусков писем П. К. Коковцова к профессору М. Виленскому.

Параллельно с подготовкой и чтением этого курса, в 20-х же годах, П. К. Коковцовым был написан ряд исследований по истории средневековой еврейско-арабской филологии и философии, повидимому не предназначавшихся для издания в серии и во всяком случае не отмеченных в ее тематическом плане. К ним относятся исследования «Kitab al Hidaja» Бахьи ибн-Пакоды, «Dalala al Ha'irin» Моисея Маймонида и «Источника жизни» Соломона ибн-Габироля. Последнее сочинение было исследовано с точки зрения критики его латинского перевода.

Изучением еврейско-хазарской переписки П. К. Коковцов занимался с 1913 по 1932 г. Две работы, изданные именно в эти

---

¹ Два первых выпуска серии содержали тексты магистерской и докторской диссертаций П. К. Коковцова, см. стр. 350.

годы, — «Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-руско-византийских отношениях в X в.» (1913) и «Еврейско-хазарская переписка в X в.» (1932), явились началом и завершением этого многолетнего исследования. В архиве имеются печатные экземпляры обеих работ с позднейшими дополнениями и примечаниями автора, а кроме того, сохранились неопубликованные части исследования, фотокопии рукописей из собраний Публичной библиотеки, Британского музея, Кембриджа и Оксфорда, выписки из трудов арабских географов и здесь же письма К. А. Иностранцева и А. Я. Борисова, относящиеся к теме о еврейско-хазарской переписке. Следует отметить, что в этой переписке имеются материалы по истории нашей родины. Факт исследования еврейско-хазарских отношений является доказательством несомненного значения работ П. К. Коковцова и для изучения истории народов СССР.

Многие годы своей научно-исследовательской деятельности П. К. Коковцов отдал описанию рукописей собраний Публичной библиотеки и Азиатского музея. Чрезвычайно ценные материалы как описательного, так и исследовательского характера связаны с его работой над еврейскими, еврейско-арабскими и самаритянскими рукописями за время с 1898 по 1926 г. Здесь имеются: инвентари и полные описания еврейских рукописей Азиатского музея, обоих собраний Фирковича, коллекции Антонина и самаритянских рукописей Публичной библиотеки, а также два исследования: «Варианты Петербургских рукописей» и «Вновь найденные интересные отрывки».

Наряду с гебраистикой одно из центральных мест в научных интересах П. К. Коковцова занимала сирология. Рукописное наследие П. К. Коковцова, относящееся к этой области семитологии, охватывает период с начала текущего столетия до середины 20-х годов.

Из трудов, сохранившихся в архиве, необходимо указать на следующие: полное описание сирийских и сиро-палестинских рукописей Публичной библиотеки, среди них фрагментов коллекции Порфирия Успенского, «Материалы для сирийской хрестоматии» и «Заметки по сирийской грамматике и сирийской литературе».

Сирийская хрестоматия осталась не вполне законченной, но тексты четырнадцати разделов были уже подготовлены и снабжены комментариями, заглавия же остальных известны из плана, приложенного к рукописи. В числе подготовленных текстов имеются фрагменты: «Из синайского палимпсеста Евангелия», «Из Пешитты Нового завета», «Из апокрифа

«Деяния Фомы», «Из перевода «Церковной истории» Евсевия», «Из переписки Иакова Серугского» и др.

Судя по обширным и систематизированным материалам, П. К. Коковцовым было задумано составление грамматики сирийского языка и курса истории сирийской литературы. Об этом говорят многочисленные заметки П. К. Коковцова, например, «Материалы для характеристики сирийского и мандейского языков». В них даются образцы грамматического строя, примеры лексики, тексты, выписки из грамматических трудов сирийских авторов и пр. Раздел «Фонетика» имеется в законченном изложении. В части литературной следует отметить исследование фрагментов из сирийской патрологии — «Язык Афаата», «Сидра Рабба» и специальный раздел «К переводу чина литургии и чина крещения», который был написан для Урмийской миссии в 1903—1904 гг.

Наряду с этим П. К. Коковцов занимался и редактированием сириологических исследований других европейских авторов: он дополнил и снабдил примечаниями «Сирийский словарь» К. Броккельмана и «Краткий очерк истории сирийской литературы» В. Райта, уже после издания его в русском переводе К. А. Тураевой, вышедшем в 1902 г. под его же, П. К. Коковцова, редакцией.

Материалы по ассириологии датируются двадцатыми и первой половиной 30-х годов и связаны с последними годами профессорской деятельности П. К. Коковцова. Курсом ассириологии завершилось его многолетнее преподавание в Ленинградском Университете.

Эта часть архива представляет детально разработанные материалы к лекциям: копии и филологический анализ текстов, заметки, выписки из исследований других авторов и изложение подготовленных частей своего курса. Из числа этих материалов следует назвать: «Исследование ассиро-вавилонской клинописи (идеограммы и силлабарии). Введение в ассириологию»; «К ассирийской графике и суммерийскому вопросу» (надписи Саргона, вавилонское курсивное письмо, каппадокийские клинописные таблечки, идеограммы названий городов, рек, божеств, материалы к грамматике суммерийского языка и др.); «Лекции по сравнительной грамматике ассиро-вавилонского языка»; филологическое исследование халдейских, повозламских и хеттских текстов.

Эфиопистика в архиве П. К. Коковцова представлена только полным описанием эфиопских рукописей Публичной библиотеки, датированным 1885 г., и материалами к грамматике эфиопского языка. «Описание» относится к наиболее раннему периоду

научной деятельности П. К. Коковцова, и в дальнейшем его глубокая эрудиция в области эфиопистики выразилась в исследованиях, посвященных общим вопросам семитологии, из них прежде всего сравнительному изучению семитических языков.

Арабистика, как одна из дисциплин семитологии, также не привлекала к себе специального внимания П. К. Коковцова, ею он занимался главным образом в связи с исследованием средневековой еврейско-арабской филологии и философии. Но именно как следствие этой многолетней работы над текстами явились: статья «Две системы классификации арабских звуков (по месту их выговора)», с материалами к грамматике, и «Добавления из еврейско-арабских текстов к арабскому словарю Гиргаса». В этой же связи следует упомянуть критически подготовленный и комментированный текст «Maqā-lāt al-muhādarā wal-mudākārā» Моисея ибн-Эзры (Абу-Харун Муса ибн аль-Гарнати). Эта работа, выполненная, повидимому, в 1934 г., предшествовала одному из последних исследований П. К. Коковцова, посвященных при этом также вопросам арабской филологии.

В 1939 г. П. К. Коковцов был поглощен темой «Ф. Е. Корш и вопрос о музыкальной ритмизации стихов в средневековой арабской метрике». Закончить это исследование П. К. Коковцову уже не удалось, но в архиве сохранились начало статьи (черновой экземпляр) и собранные им обширные материалы.

Исследовательская работа П. К. Коковцова сопровождалась систематическим составлением библиографии. Справки библиографического содержания являются обязательной частью всех материалов, подобранных им в связи с изучением того или иного вопроса. Огромная пачитанность и строгая проверка своих выводов с данными научной литературы сказываются как в этих многочисленных библиографических заметках, так и в специально разработанной библиографии периодических изданий. Эта последняя работа велась тематически и охватывала большое число журналов от начала XIX в. по 1925 г. Так, были разработаны следующие темы: «Библиография по еврейской (побиблейской) и еврейско-арабской литературе, а также по еврейско-арамейским наречиям»; по истории еврейского народа; по библеистике; по сравнительной семитической лингвистике; по арабистике; «Обзоры ученых журналов (важнейшие статьи)» и библиография еврейской журналистики до 1886 г. Сюда же следует отнести перечень тем, намеченных П. К. Коковцовым для исследований, и библиографию к ним.

За многие годы своей научно-педагогической деятельности в Университете и Академии наук П. К. Коковцов выступал

и в качестве оппонента при защитах докторских диссертаций, и в качестве рецензента работ, представленных на соискание премий Академии наук. В Архиве сохранилось десять отзывов, написанных им с 1901 по 1938 г., среди них о сочинениях Н. Н. Дурново «Материалы и исследования по старинной литературе. К истории об Акире» (Москва, 1915); Д. М. Зельцера «Египетские и вавилонские элементы в древнееврейских делениях времени» (1926); Вл. Рыбинского «Самаряне. Обзор источников для изучения самарян. История и религия самарян» (Киев, 1913) и др.

Суровый и непреклонный критик, в своих отзывах П. К. Коковцов с равной убежденностью поддерживал все ценное, новое и оригинальное и беспощадно клеймил то, что считал непригодным для науки. Некоторые из написанных им отзывов создали ему личных врагов, старавшихся набросить тень на нравственный облик ученого и возбудить сомнение в беспристрастности его суждений.

Но интересно привести слова одного из крупнейших ученых, которым гордится русская наука, — ассириолога М. В. Никольского. В них суммируется то, что звучит в сотнях писем, обращенных к П. К. Коковцову на протяжении его долгой ученой деятельности. 20 февраля 1903 г. в Петербурге, в день первой личной встречи с молодым ученым, престарелый М. В. Никольский писал: «Истинноуважаемый Павел Константинович! Первое знакомство с Вами и несколько часов, проведенных мною у Вас в беседе о самых серьезных, интересующих меня проблемах, произвели на меня такое впечатление, которое не изгладится во всю мою жизнь». И далее: «Да, Вы учитель в самом лучшем и возвышенном смысле этого слова, Вы владеете мудростью, какой никто у нас не имеет, не исключая и тех, кто были Вашими учителями. Ваша личность, Ваши познания, Ваш энтузиазм, Ваше самопожертвование — все это бесприммерно у нас, и как многим из наших книжников следовало бы сидеть у Ваших ног и учиться. То, что я Вам говорю, это не лесть. Нет, это не лесть, я стар для этого, это просто восхищение, какое я испытываю, вспоминая о Вас».

П. К. Коковцов был признан не только при жизни. Его трудовой подвиг сохранился в памяти коллег и учеников, воплотился в созданной им школе и в рукописях многочисленных исследований. Сознвая научную ценность своего рукописного наследия, он завещал его советским востоковедам.
